

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ИЛЬЯ КОНОНОВ,

*доктор социологических наук, профессор, за-
ведующий кафедрой философии и социоло-
гии Луганского национального университе-
та имени Тараса Шевченко (Старобельск)*

**Польша в современном мире:
понять себя и понять свое знание
(Рецензия на книгу: Polska jako peryferie /
Redakcja naukowa Tomasz Zarycki. — Warszawa:
Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2016. — 356 s.)¹**

Книга “Польша как периферия”, вышедшая под научной редакцией одного из крупнейших польских социологов современности профессора Томаша Зарицкого, является ярким проявлением поиска в современной науке об обществе новых методологических ориентиров. Эти поиски были стимулированы крахом теории модернизации как общей объяснительной и ориентирующей рамки, определяющей взгляд на процессы в современном мире.

Если оставаться в пределах только теории, не переходя в область социальной практики, то главным методологическим недостатком теории модернизации было то, что Ульрих Бек назвал “методологическим национализмом”. По его мнению, “методологический национализм приравнивает современное общество к обществу, организованному как территориально ограниченное национальное государство” [Бек, 2012: с. 58]. Все социальные процессы рассматриваются в рамках таких относительно герметичных социальных контейнеров. В этом случае социальный мир на планете Земля перед взором социолога предстает наподобие огромных пчелиных сот, отдельными ячейками которых и выступают политически оформленные общества. В них устанавливаются социальные структуры, в их пределах соци-

---

¹ Автор выражает признательность профессору Томашу Зарицкому за подаренную книгу, за внимательное и доброжелательное прочтение текста рецензии, а также за ценные коррективы в перевод цитат.

альные акторы принимают верные или неверные решения. Конечно, методологический национализм не исключает взаимного влияния обществ. Они соревнуются между собой. Одни находят более удачные пути развития, другие отстают. Те, которые отстают, вынуждены догонять вырвавшихся вперед. Для этого они должны воспроизводить в своих государственных контейнерах институты успешных обществ. Такова незатейливая сущность теории модернизации в её американском варианте.

Эта теория появилась как идеологический проект в середине XX века и была продуктом холодной войны. Ответом на неё стала советская теория социалистического развития стран “третьего мира” [Дерлугьян, 2013: с. 347].

Иммануил Валлерстайн имел все основания определить теорию модернизации как теорию зависимого развития [Валлерстайн, 2008].

Польские социологи имеют дело с этой теорией в её последнем варианте, созданном в 1990-е годы для бывших социалистических стран, то есть с теорией посткоммунистического транзита. По мнению авторов рецензируемой книги, этот вариант теории модернизации затмил в польской социологии плодотворную традицию анализа отсталости и зависимости, связанную с именами Витольда Кули [Kula, 1955] и, особенно, Мариана Маловиста [Malowist, 2006]. Теория транзита породила в польском обществе завышенные ожидания. Казалось, что вот-вот, и Польша войдет в число самых развитых стран. Вхождение в ЕС воспринималось как продолжение модернизации и преодоление отсталости (s. 163).

Однако перспектива приближения к уровню благосостояния стран Западной Европы для поляков все время отодвигается в историческую даль. Кшиштоф Ясецкий (Krzysztof Jasiński) пишет, что только по самому благоприятному сценарию Польша лишь к 2030 году достигнет 80% уровня доходов Западной Европы (s. 69). Среднестатистический поляк, как указывает Томаш Зарицкий, в 50 раз менее богат в сравнении с немцем и в 20 раз беднее грека (s. 143). В 2013 году в Польше зарегистрировано 2083 тыс. безработных (13% экономически активного населения). Труд в стране оплачивается ниже, чем в странах “старой” Европы. Так, в 2012 году час работы в Польше стоил 7,5 евро, в Германии — в четыре раза дороже, в Швеции — в пять раз дороже. Получила распространение трудовая бедность (9% от работающих), когда работа позволяет лишь сводить концы с концами (s. 285). В 2012 году за границей находилось 2,13 млн польских трудовых мигрантов (s. 279). Горькое чувство поляков Збигнев Гальор (Zbigniew Galor) передает понятием “средства для других” (zasoby dla innych) (s. 286).

Все это и привело к возвращению в польской социологии к проблематике отсталости и зависимости. Но этот поворот осуществился на новой методологической платформе, каковой стал мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна. Томаш Зарицкий отмечает, что это идейное движение имело и негативные последствия в виде растущей политизации проблематики. Он декларирует намерения авторов сборника вернуться к польской традиции исследования зависимостей без “погружения в откровенно политические споры” (s. 10).

Рецензируемая книга может рассматриваться как определенный итог движения по этому методологическому пути большой группы польских ученых. Она представляет собой сборник статей, написанных 17-ю авторами (некоторые из них можно назвать минимонографиями). Только один ав-

тор книги — иностранец (известный американский социолог Сальваторе Бабонес). Остальные авторы (среди них 6 женщин) представляют различные польские университеты и исследовательские центры.

Логика построения книги такова. Вначале рассматриваются объективные характеристики современной мир-системы, положение в ней Польши и её соседей. Затем анализируются эпистемологические проблемы самого знания об исследуемых проблемах. Я тоже буду следовать в своем анализе этой логике, не пытаясь пересказать и даже затронуть все богатство содержания книги.

Мир-системный анализ как методология. Способность к теоретическим синтезам

Принятие мир-системного подхода в польской социологии — итог длительного методологического поиска. Даниель Платек (Daniel Platek) утверждает, что в 1980-е годы, в период глубокого общественного кризиса, польская социология не располагала адекватными теоретическими и практическими инструментами для отражения и объяснения новой социальной реальности. Даже для изучения движения “Солидарность” теоретический подход был предложен французским социологом Аленом Туреном. “Несмотря на частичную открытость поля общественных наук в отношении новой тематики, в восьмидесятые годы польская социология не обладала теоретическими средствами и эмпирическими инструментами для изучения собственного общества”, — пишет Даниель Платек (s. 206).

Это привело к тому, что место теоретических выводов начали занимать обобщения здравого смысла. Возник разрыв между высоко абстрактными положениями, заимствованными у западных теоретиков, и эмпирическими, контекстными обобщениями (s. 204). Последние очень часто базировались на объяснительных схемах, предполагающих учет психологических особенностей индивидов или групп, их идентичностей, ментальности. Таким образом, успехи или провалы стран в процессах общественных изменений рассматривались как производные психологических особенностей их жителей, что вело социальную теорию в тупик. Это очень напоминает нынешнюю ситуацию в украинской социологии, связанную с распространением так называемого цивилизационного подхода.

Мир-системный анализ позволил польской социологии выбраться из этого психологического тупика. Томаш Варчок (Tomasz Warczok) пишет, что он “прежде всего порывает с бесплодным “культурализмом”, нередко ведущим к наивному “психологизму”, который неравенства между отдельными странами и регионами, а также различия развития усматривает в личностных чертах или даже в характеристиках отдельных народов” (s. 170).

Мир-системный подход, по мнению Агнешки Колясы-Новак (Agnieszka Kolasa-Nowak), возвращает в социологический анализ “два измерения общественной жизни: акцентирует пространственность и также историчность общественных явлений” (s. 163).

Польские социологи в настоящий момент чаще всего отталкиваются не от классического варианта мир-системного анализа, созданного Иммануилом Валлерстайном, а от его разнообразных модификаций. Американский социолог, как известно, всегда подчеркивал, что он предлагает не жесткую ме-

тодологическую рамку, которую нужно накладывать на действительность, а анализ, который развивается в процессе использования. В предисловии 2011 года к первому тому своей основополагающей работы “Мир-система Модерна I” он писал: “Полагаю, что при изучении корпуса моих работ разумный читатель увидит, насколько я предан избранной мной эпистемологической предпосылке: лишь подлинно целостный анализ может рассказать нам нечто важное о том, как устроен реальный мир” [Валлерстайн, 2015: с. xxx]. Однако целостный анализ — трудная, требующая скрупулезности, длительная процедура. В сущности, целостный анализ никогда не может быть завершен. Но при изучении частных вопросов требуется создание теории среднего ранга, которая очертит поле эмпирических исследований, позволит сконструировать эмпирический объект. Это с неизбежностью толкает к схематизации большой теории, что и происходит с мир-системным анализом.

В рецензируемом издании мир-системный анализ представлен как “центр-периферийный подход”. Теоретически его обосновывает американский социолог Сальваторе Бабонес (Salvatore Babones), называя структуралистской перспективой. Он считает, что И.Валлерстайн не дал четкого ответа на вопрос о причинах расслоений мир-системы на центр, полупериферию и периферию. Он отбрасывает экономическое объяснение Джованни Арриги и Джессики Дрангель, которые предположили, что страны центра связаны с высокой добавленной стоимостью товаров. Сам С.Бабонес дает политическое объяснение расслоению в мировой системе. В её центре находятся сильные государства, допускающие массовое участие граждан в политике. “С точки зрения такого подхода — ставящего на первое место структуры, или структуралистского — странами ядра являются те, которые управляются государственными структурами, достаточно сильными, чтобы обеспечить значительные преимущества для своих граждан на глобальном рынке, в особенности через эксплуатацию населения периферийных стран (подход Валлерстайна). Периферийные страны — это те, в которых государственный аппарат не является достаточно сильным, чтобы воспрепятствовать эксплуатации локальной популяции экономическими субъектами, которые пользуются поддержкой стран ядра и локализованы в них (подход Франка). Главное отличие между структуралистским подходом и канонами мир-системного анализа касается понимания полупериферии. Со структуралистской перспективы, полупериферия состоит из тех стран, в которых государственный аппарат является настолько сильным, чтобы препятствовать эксплуатации со стороны ядра, но не настолько, чтобы проецировать свою силу вовне. Вместо того, чтобы помогать своим гражданам в эксплуатации за границей, полупериферийные государственные институты сосредоточены на поддержке локальных элит в эксплуатации собственных обществ” (с. 16).

На мой взгляд, яркое описание С.Бабонесом признаков частей мир-системы столь же убедительно в качестве объяснения, как и раскритикованное экономическое объяснение Дж.Арриги и Д.Дрангель. Возникновение политических особенностей должно быть объяснено точно так же, как и соответствующие экономические характеристики.

Более интересным является анализ С. Бабонесом динамики в мир-системе. С его точки зрения, с момента своей институционализации она характеризуется большой устойчивостью. Это он доказывает, пользуясь разными критериями. В самом начале текста он констатирует, что “корреляция меж-

ду логарифмированным национальным доходом *per capita*¹ в 1870 году и в 2008 году для 10 главных регионов мира является необыкновенно высокой: $r = 0,93$. На протяжении более ста лет, которые с разных точек зрения принесли мощные изменения, уровень относительных доходов остался практически без изменений” (s. 13).

В разрезе отдельных стран динамика тоже выглядит достаточно красноречиво. Среди 103 стран, положение которых исследовано автором в период между 1975 и 2005 годами, только 17 изменили свою позицию (s. 19).

С. Бабонес не считает, что страна не может изменить свое положение в мир-системе. Просто это очень сложная задача, особенно если речь идет о повышении, а не о понижении позиции. Он считает, что есть три главные причины, которые в современном мире ведут к изменениям положения стран: 1) изменение цен на сырье; 2) растущее экономическое доминирование городов; 3) возвращение к равновесию. Первый случай касается стран-экспортеров сырья. Так, положение Саудовской Аравии колеблется в зависимости от цен на нефть. Второй случай — это подъем “азиатских тигров”. С. Бабонес рассматривает их, в сущности, как города-государства, а не страны. Третий случай — это повышение мирового веса Индии и Китая, которые были весомыми мировыми игроками до конца XVIII века. Сейчас они возвращают свое место в мир-системе (s. 19–22).

Единственный пример подлинного подъема с полупериферии в центр мировой системы дала Япония. Это связано с уничтожением прошлого политического класса этой страны и формированием нового, нацеленного на развитие (s. 24). Пример Японии служит для С. Бабонеса материалом для выработки рекомендаций по улучшению положения стран в мировой системе. Странам периферии он советует усилить государственный аппарат, а в странах полупериферии — вырвать его из рук элит и сделать инструментом реализации общественных интересов (s. 23). Вряд ли стоит спорить с целями, но способы их достижения остаются весьма туманными и утопичными.

Для польских авторов книги характерно стремление к уточнению основных понятий мир-системного анализа, к их конкретизации. Томаш Зарицкий считает, что в Европе существуют разные уровни ядерных и периферийных структур (s. 108). Особое внимание этого и других авторов книги сосредоточено на понятиях “периферия” и “полупериферия”. Последнюю Анджей Новак (Andrzej W. Nowak) даже характеризует как “хлопотливую категорию” (s. 96).

Томаш Зарицкий пишет, что центральность, полупериферийность и периферийность определяются реляционно, то есть в определенных конкретных отношениях. Так, если рассматривать мировую экономику, то в ней особую роль играет связь американского и немецкого капиталов. В этой связке Германия выполняет роль полупериферии США, помогая в установлении их доминирования над Европой. Но в самой Европе существует долговая зависимость стран ЕС от Германии. “В результате большинство Центральной Европы сейчас стало промышленным заплечем экономик западных стран, в особенности немецкой экономики” (s. 138).

Томаш Зарицкий демонстрирует осторожность при использовании понятия полупериферии. Вместе с тем он разграничивает разные типы пери-

¹ На душу населения.

ферий — стыковую/контактную и внешнюю. “...Понятия полупериферий или стыковых периферий не полностью исключают друг друга, а чаще всего можно говорить об их взаимном явлении в случае отдельных регионов или стран. Иными словами, большинство из них локализовались бы в разных местах континуума, полюсом которого, с одной стороны, были бы “чистые” полупериферии, а следовательно, территории, положенные между ядром и крайними перифериями, решительно более низкой ступени, и вторым полюсом — “чистых” стыковых периферий, а, следовательно, пространства более низкого ранга, положенного между двумя идеально симметричными территориями высшего уровня (центрами)” (s. 108–109). Стыковые/контактные периферии Томаш Зарицкий чаще всего объясняет политическими факторами — соперничеством между мощными странами за какую-то территорию. Примерами могут служить Финляндия, за которую долго соревновались Россия и Швеция, Польша как предмет соперничества России и Германии, Швейцария, страны Бенилюкса (s. 107).

Сложности с полупериферией связаны с особенностями современного состояния мир-системы. Мир-системная терминология коррелируется с популярным делением человечества на Первый, Второй и Третий миры. Анджей Новак говорит о “таинственном исчезновении Второго мира” (s. 86). По его мнению, “Второй мир сошел со сцены и вместе с ним исчез альтернативный источник творения истории” (s. 89). Дело в том, что “это привело к тому, что Первый мир утратил своего идеологического и политического противника, а Третий мир — своего патерналистского партнера. Вследствие этого мир упростился” (s. 89). Мировая система тяготеет к расколу на центр и периферию, так как “в однополярном мире полупериферии перестали выполнять функции Второго мира, превращаясь в элемент имитативной модернизации. Это ведет к тому, что они усиливают патологические черты системы” (s. 103).

Томаш Гроссе (Tomasz Grzegosz Grosse) считает, что с экономической точки зрения признаком периферийности является то, что даже при притоке инвестиций периферийные страны не способны аккумулировать богатство (s. 29). В политическом отношении эти страны теряют субъектность. Их решения ограничиваются выбором патрона из центра мировой системы, “который обеспечит им больше пользы и больше автономии во внутренней или международной политике” (s. 27). И наконец, “образ доминирования центра над периферией дополняет культурная провинциальность, все более маргинализованная и одновременно находящаяся под влиянием образцов, притекающих из центрального пространства” (s. 30).

Мир-системный анализ практически во всех работах рецензируемого сборника сочетается с теорией поля и капитала Пьера Бурдьё. Томас Варчок объясняет это тем, что для теории И.Валлерстайна свойственен общий всем марксистским учениям недостаток — невнимание к культуре, к символической сфере общества (s. 170). Авторы книги демонстрируют плодотворность синтеза этих подходов, что будет видно из дальнейшего.

Польша

Агнешка Коляса-Новак пишет, что центр-периферийные исследования предполагают анализ огромного массива исторических сведений, которые

для социологов превращаются в первичную информацию для дальнейших обобщений. По ее мнению, в Польше отношения социологов и историков сейчас напоминают “диалог глухих”. Однако в любом случае предстоит огромная работа “по реинтерпретации или даже по глубокой ревизии принятой в науке исторической наррации” (s. 166).

В рецензируемой книге такого рода реинтерпретация и ревизия принимаются в отношении исторического пути и современного положения Польши.

Большинство авторов статей, опубликованных в рецензируемом сборнике, оценивают современное положение Польши как периферийное. Наиболее резко по этому поводу высказывается Томаш Гроссе: “... Польша в силу своего положения на восточной границе Европейского Союза (ЕС), а также с точки зрения относительно низкого геополитического потенциала и, что тоже с этим связано, низкого статуса в международной политике может быть трактована как пример периферийного государства. О периферийности свидетельствует также её история, в особенности то, что на протяжении по крайней мере 300 минувших лет Польша была экономически зависимой от внешних держав и находилась под их политическим доминированием” (s. 25).

С предыдущим автором согласен Томаш Зарицкий: “В соответствии с большинством подходов, Польша представляет собой периферийную страну. Это следует прежде всего из того, что она представляет собой территорию, структурно зависимую от центра, но это — не зависимость самого низкого уровня, и можно говорить, что центр делится с Польшей средствами, получаемыми от западного доминирования над остальным миром” (s. 105).

Томаш Гроссе констатирует: “Что наиболее интересно, европейская интеграция в сущности не изменила ни периферийного статуса, ни локальной политической культуры, которая специализируется прежде всего на поиске внешнего патрона, желательно самого сильного в данном геополитическом устройстве” (s. 49).

Наиболее глубокий очерк истории Польши с позиций мир-системного подхода в сборнике предложил Томаш Зарицкий. С его точки зрения, место Польши в капиталистической мир-системе определилось в XVII веке и сохраняется донныне. В период становления мира Модерна Польша специализировалась на экспорте зерна в Голландию и Ганзу. Польские магнаты, владевшие землей, реагировали на колебания цен, стремясь увеличить эффективность своих латифундий введением полусвободных трудовых отношений. Уже в период I RP¹ низкая оплата труда блокировала инновации, здесь не происходило накопление экономического капитала. “Это соотносится также с отсутствием средств на содержание эффективной государственной машины” (s. 112).

В большой статье Томаша Зарицкого очень интересно рассматривается борьба России, Пруссии и Австрии на польских землях, которая стимулиро-

---

¹ I RP — Первая Речь Посполитая (I Rzeczpospolita, Rzeczpospolita szlachecka) — условное название государства, возникшего в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Просуществовало до третьего раздела Польши в 1795 году.

вала польское национальное движение. В Галичине польский национализм стал образцом для формирующегося украинского национализма (s. 118).

К сожалению, в краткой рецензии невозможно рассмотреть такой интересный сюжет, как влияние немецких идей на формирование польского национального движения, на преемственность немецкой политики до 1918 года и советской политики после 1945-го, на живучесть идей Фридриха Наумана о “средней Европе” [Naumann, 1916].

По мнению Томаша Зарицкого, II RP¹ была во многом продуктом деятельности польской интеллигенции. С этого времени польское поле власти существенно отличается от полей власти соседей. Если на Западе доминирование связано с экономическим капиталом, в России — с политическим, то в Польше — с культурным (s. 146). Эта концепция получила в польской социологии признание и распространение.

Очень интересно автор трактует период ПНР (PRL). За время немецкой оккупации и начального периода существования ПНР (1939–1956) польское общество очень изменилось. Изменилось так, что это дало основание историку Анджею Ледеру говорить о революции [Leder, 2014]. Авторы статей сборника часто ссылаются на это исследование. Анджей Новак отмечает, что “вхождение в орбиту Советского Союза было относительным ослаблением зависимости от капиталистического центра, по крайней мере на начальном этапе существования ПНР, хотя ценой зависимости от новой советской метрополии” (s. 93). Томаш Зарицкий пишет, что с помощью СССР Польша достигла образца современности, который был недостижим в предвоенное время (s. 129). Этот вывод принадлежит не левому радикалу, а человеку вполне либеральных взглядов. Его нужно истолковывать как поворот польских социологов к спокойному и деидеологизированному изучению своей истории.

Современное положение Польши тоже обусловлено реализацией проекта, выработанного интеллигентскими элитами. Приведу достаточно длинную цитату из текста Томаша Зарицкого: “Ключевыми для оформления современной конфигурации внешней зависимости Польши были радикальная открытость для международного капитала и быстрая, хотя и асимметричная интеграция с западными структурами, о чем было принято решение сразу после падения коммунизма. Важным аспектом этой стратегии было более или менее осознанное решение интеллигентских элит, прежде всего антикоммунистической ориентации, любой ценой не допустить в Польше формирования экономической олигархии, состоящей в первую очередь из представителей старых партийных элит. Продажа значительной части национального богатства западным предпринимателям была обеспечена этим сценарием” (s. 130). Это сделало польскую экономику чрезвычайно зависимой от внешних инвестиций и от колебаний мировой экономической конъюнктуры.

Другим решением польские элиты выбрали себе нового внешнего патрона. Томаш Гроссе без обиняков пишет: “Основополагающим политическим выбором Польши после 1989 года была опора во внешней политике на близкие союзнические отношения со США” (s. 38). В результате этого

---

¹ II Rzeczpospolita — польское государство от восстановления независимости в 1918 году до 1945 года.

Польша превратилась в проводника политики США в ЕС (s. 39). Данное обстоятельство ведет к нестабильности таких образований, как Вышеградская группа, и других региональных проектов.

Внутри Польши сложился “компрадорский сектор услуг”, а местные “политические предприниматели” вступили в альянс с международными бизнес-элитами (s. 139). Многие представители польской интеллигентской элиты заняли руководящие посты в филиалах транснациональных структур. Ханна Дембска (Hanna Dębska) специально исследовала положение польских юристов. Это дало ей основание сделать вывод, что через успешную часть интеллигенции идет трансфер идей из центра на периферию, но не наоборот. Она заключает: “Компрадорский аспект, таким образом, является одним из элементов роли интеллигентской элиты. Принимая это во внимание, можно выдвинуть гипотезу, что юридическая интеллигенция на полупериферии, как и любая интеллигенция в этих структурных условиях, является компрадорской” (s. 233).

Как видим, авторы сборника придерживаются критического направления в своих исследованиях. Это не означает, что они не видят позитивных изменений в своей стране. Так, Кшиштоф Ясецкий отмечает, что в Польше создана институциональная система, дружественная экономике. Но рыночные механизмы необходимо дополнить нерыночной регуляцией экономической деятельности (s. 70). Томаш Зарицкий возлагает надежду на развитие национальной буржуазии: “Потенциальная альтернатива компрадорской функции интеллигенции должна быть связана, очевидно, с более или менее выразительным проектом построения сильного класса национальной буржуазии или альтернативным проектом государственной элиты по советско-российскому образцу” (s. 139). Надежда, как представляется, весьма сомнительная!

Однако выбор вариантов развития для Польши возможен как для члена ЕС. Поэтому в книге большое внимание уделено этому межгосударственному объединению и соседям Польши.

Международный контекст

Процессы в центре мир-системы. Мировая система с крахом социалистического лагеря изменила ось структурирования. Если ранее она была ориентирована по линии Восток — Запад и основное напряжение имело идеологический характер, то сейчас главные различия системы определяются направлением Север — Юг и носят исключительно товарно-денежный характер. Мировая система хаотизируется, ситуация в ней все больше напоминает борьбу всех со всеми.

Томаш Гроссе считает, что США как слабеющий мировой гегемон главную проблему усматривают в отношениях с Китаем. Для удержания своего мирового господства они стремятся получить контроль над Россией, что является ключевым вопросом для влияния на Китай (s. 32). Одновременно США стремятся влиять на ситуацию в ЕС.

Замедление темпов мирового развития может иметь своим последствием замену конвергенции ростом различий (s. 69). В связи с этим Кшиштоф Ясецкий довольно подробно остановился на проблематике разнородности капитализма (в мировой общественной науке — Varieties of Capitalism — VoC). В сущности, современный кризис является “естественным тестирова-

нием” (s. 67) всех этих вариантов. Их сейчас выделяют с использованием разных оснований. Так, значительное распространение в научной среде получило дихотомическое деление на основе принципов координации деятельности экономических субъектов, предполагающее выделение либеральной рыночной экономики (liberal market economies) и координированной рыночной экономики (coordinated market economies). Его предложили Питер Холл и Дэвид Соскинс (Peter A. Hall, David Soskince). Бруно Амабль (Bruno Amable) с использованием политико-географических критериев выделил пять разновидностей современного капитализма (англо-саксонская модель рыночной экономики; социал-демократическая скандинавская модель; азиатский капитализм; европейский капитализм; средиземноморский капитализм). Польский автор пишет, что ни одна из обозначенных моделей не является наиболее эффективной навсегда (s. 56).

Особую проблему польские социологи видят в кризисе ЕС. Кшиштоф Ясецкий отмечает: “Союз, который создавал институциональные рамки для стабильного развития, стал источником дестабилизации и неуверенности” (s. 62). Проблема состоит в расслоении ЕС на собственный центр и собственную периферию. Центр определяется немецко-французским союзом. В него, кроме Германии и Франции, входят Австрия, Бельгия, Финляндия, Люксембург и Голландия. Ему противостоят две группы периферийных стран — страны Южной Европы и страны Центральной и Восточной Европы. Польский социолог считает, что в этой структуре “членство в сфере евро стало более важным, чем членство в ЕС” (s. 63).

Кризис в ЕС парадоксально усиливает влияние в Европе большого бизнеса, преимущественно немецкого. Расширение Евросоюза на Восток, в первую очередь, полезно ему. Все это делает Евросоюз конфликтной структурой. В странах Севера здесь усиливаются националистические и правые движения, а на Юге — левые движения.

Томаш Гроссе пишет о двух проектах выхода из кризиса ЕС: 1) перестройка союза на межправительственных отношениях; 2) усиление наднациональных институтов и технократической бюрократии (s. 42–43). Оба подхода чреваты конфликтами. Так, первый подход усиливает и освобождает из-под контроля самые сильные страны. Прежде всего это касается Германии. Если с самого начала евроинтеграция рассматривалась как проект “связывания” Германии, то кризис ЕС усилил это государство (s. 36). Второй подход вызывает чувство потери независимости у стран-членов ЕС, формирует “демократический дефицит” в нем.

В странах центра при реакции на кризис мир-системы ощущается идейный дефицит, так как неолиберализм упростил дискурс, делая невозможным рассмотрение других вариантов капитализма (s. 57).

Страны бывшего социалистического лагеря. Развитие бывших социалистических стран Европы авторы сборника рассматривают в контексте увеличения разнообразия политико-экономических путей развития. К.Ясецкий пишет: “Различные сценарии изменений породили в течение нескольких лет отличающиеся политические, экономические и общественные модели — начиная с авторитарных и олигархических систем (Россия, Украина, республики Средней Азии), через мозаику разнящихся решений, объединяющих в разнообразных пропорциях авторитаризм, демократию и рынок (Западные Балканы, Юго-Восточная Европа), варианты либеральных

моделей (Центральная Европа, Балтийские республики) и вплоть до координированного капитализма в стиле Австрии (Словения)” (s. 57).

Особое внимание польских социологов сориентировано на Россию. Её отличие от Польши усматривается в том, что здесь ключевые отрасли экономики остались под государственным контролем. Россия не допустила доминирования западного капитала над своим банковским сектором. Это и дало российским правящим элитам значительную автономию на мировой арене (s. 130). Установление власти В.Путина привело к реализации в России проекта, “который можно обозначить как нелиберальная империя, опирающаяся на примат политического капитала по отношению к экономическому и культурному” (s. 144).

Судя по статьям сборника, в среде польских социологов сформировалось достаточно амбивалентное отношение к современной России. Я уже излагал идею Т.Зарицкого о разных основах доминирования в обществах Запада, России и Польши. С долей иронии он пишет о польской ситуации: “Восточные, а особенно российские угрозы, умело используются интеллигентскими элитами, которые обосновывают свое доминирование различными вариантами ориенталистского видения необходимости “бегства с Востока”, воображаемого как географически, так и метафорически. Можно, следовательно, видеть, что повсеместный страх перед Востоком консолидирует общество под интеллигентским руководством как в его либеральных, так и в консервативных вариантах” (s. 141).

Восточная политика Польши, нацеленная на отрыв соседей от России, не всегда принимает во внимание польские национальные интересы и даже ухудшает стратегическое положение страны (s. 40). Отвечая геополитическим интересам США, эта политика предполагает расширение влияния ЕС на Восток и создание буферной зоны на границе с РФ. Т. Гроссе считает, что эта политика не приносит пользы и восточным партнерам Польши (s. 39). В связи с этим он весьма критически высказывается о канонизированных в Польше и Украине идеях Ежи Гедройца и Юлиуша Мерошевского.

Однако нестабильные отношения Польши и России связаны и с особенностями самих обществ в этих странах. В России общество иерархическое, в Польше — сетевое (s. 131). Несовпадение форм доминирования делает невозможной долговременную политическую координацию между этими странами (s. 146).

Относительно Беларуси Т.Зарицкий придерживается мнения, что она сейчас является частью “расширенной России”. Собственная культура здесь приобрела маргинальное значение. Независимость Беларуси как государства обусловлена “стыковым” характером. За эту страну борются Восток и Запад и боятся сдвига в чью-то пользу (s. 135).

Украина. Размышления об Украине разбросаны по всей книге. В основном это связано с кризисными событиями последних лет и войной в Донбассе.

Украина воспринимается польскими социологами как пример страны, которая в силу внутренних причин и внешних обстоятельств значительно сместилась на периферию мир-системы. При этом европейская интеграция усиливает её периферийность (s. 50). Интеллигентские элиты в нашей стране в этом процессе были подчинены национальной экономической элите, что ухудшает условия выработки проектов развития страны (s. 139). Украин-

на пыталась балансировать между двумя конкурирующими геополитическими силами. Эта политика не выдержала испытания временем и была одной из причин конфликта 2014 года (s. 35).

Томаш Зарицкий пишет о современных процессах в нашей стране: “Можно смотреть на конфликт в Украине, используя рамку мир-системной теории, как на “экспортированный” конфликт или войну через посредников (англ. *proxy war*). Кровавое пролитие и другие трагические аспекты названного конфликта могут несколько заслонять процессы, которые можно было бы признать позитивными эффектами стыкового статуса Украины для силы её автономии” (s. 135). Но несмотря на все возможные проявления этого статуса Украины, войну в Донбассе внутренними условиями объяснить невозможно. Она является порождением кризисных явлений современного капитализма. “При таком подходе войну в Украине можно было бы не только воспринимать как экспортированное на периферию напряжение между группами стран ядра, но также в определенном смысле представлять как экстернализацию напряжения между фракциями элит ядра, нацеленными на разные режимы контроля центрально-европейской периферии” (s. 136).

Томаш Гроссе считает, что “конкуренция за Украину является в этом случае естественной борьбой мировой державы с надрегиональной” (s. 31). Естественно, речь идет о США и России. Польский ученый продолжает: “Как кажется, ставка в этом конфликте вообще не является уделом Украины, а скорее касается будущего геополитического статуса обоих выделенных сил” (s. 32). Геополитические игроки, столкнувшиеся на нашей территории, задают два способа интерпретации конфликта: “как стремления Кремля избежать геополитического регресса и, с другой стороны, как попытки Запада, особенно США, ослабить потенциал России, привести к смене власти в Кремле, а с этим добиться большего геоэкономического влияния на это государство” (s. 33).

Вряд ли украинское социологическое сообщество согласится со всеми выводами польских коллег относительно наших проблем, но нам будет не лишним это внешнее теоретическое зеркало.

Эпистемология (полу)периферийности

Эпистемологической проблематике в рецензируемом сборнике специально посвящены статьи Агнешки Колясы-Новак, Томаша Варчока и Даниеля Платека. Производство знания об обществе связано с рядом общественных противоречий, в первую очередь, между глобальным и локальным, универсальным и партикулярным. В Новое время это противоречие было разрешено весьма своеобразно, что можно объяснить логикой формировавшейся мир-системы. Если наука модерна о природе создавалась в рамках интернациональной республики ученых, то общественная наука возникала с привязкой к становлению национальных государств. Т.Варчок пишет: “Формирование современных общественных наук, следовательно, происходило в национальных пространствах и от самого начала оставалось подчиненным политическим целям” (s. 171). Их включенность в общественное управление привело к образованию национальной специфики исследовательских школ.

Однако идеалом науки является универсальность знания. Стандарты универсализма задаются в странах центра. Поэтому “наиболее интернацио-

нализированы те национальные поля, которые принадлежат к мировому ядру, и, собственно, они со своей партикулярной перспективы очерчивают целостность игры” (s. 185).

Томаш Варчок показывает это на примере современной социологии. Её институциональный центр находится в США. Из 10 лучших в мире социологических факультетов 7 находятся в американских университетах. Такая же картина с самыми авторитетными социологическими журналами: 16 из них издаются в США, 3 — в Великобритании и 1 — в Швейцарии (s. 176). Однако доминирование США в развитии социологии — институциональное, а не интеллектуальное. Если мы возьмем имена наиболее цитируемых социологов, то из них только один будет американцем: М.Фуко, П.Бурдьё, Э.Гидденс, И.Гоффман, Ю.Хабермас, У.Бек, Б.Глейзер. Самой цитируемой социологической книгой является “Различение. Социальная критика суждения” П.Бурдьё (s. 176–178).

Таким образом, социологические идеи в большинстве случаев появляются в Европе (во Франции, Германии и Великобритании), но они приобретают статус всемирно признанных, только получив признание в США. Как остроумно выразился Т.Варчок, в Европе происходит беатификация идей, но канонизируются они только в США (s. 178).

Польский социолог постоянно апеллирует к теории поля П.Бурдьё и подчеркивает относительную автономию поля культуры. Поэтому можно говорить только о гомологии, анализируя экономические и интеллектуальные процессы в мир-системе. “Глобальное научное поле в своей основе неравное, в нем иерархическая структура имеет много измерений. Это не только относится к центр-периферийному делению, но также принимает разнообразные конфигурации в зависимости от данной дисциплины” (s. 179).

Национальные социологические поля могут отличаться от общемирового. Так, в Польше чаще всего цитируются работы Петра Штомпки и Генрика Доманского. Джефффри Александер получил признание в польском социологическом сообществе во многом благодаря сотрудничеству с П.Штомпкой. “В каждом случае действует специфический “фильтр” в виде локальной конфигурации власти в поле, определенные имена принимаются, другие отбрасываются, и это только частично зависит от их глобального престижа” (s. 184).

Несмотря на относительную автономию национальных социологических полей, как констатирует Даниель Платек, ученые в странах периферии оказываются в двойственном положении: они используют западные образцы, но занимаются локальными проблемами (s. 187). На периферии глобальный и локальный потоки знаний встречаются весьма своеобразно. Глобальные знания существуют в виде теорий западных авторов, а локальные — в виде эмпирических обобщений. “Проблема состоит, однако, в том, что польские институты редко продуцируют знания, являющиеся вкладом в само глобальное поле социологического знания. Вместо этого воспроизводят доступные инструменты теоретического знания и реинтерпретируют в локальных условиях” (s. 190). Поэтому оригинальные исследования польского общества исходят от ученых, которые работают в заграничных научных центрах (там же).

Доминирование центра связано с “языковой рентой”. Збигнев Гальор (Zbigniew Galor) приводит данные, что Великобритания благодаря доминированию английского языка в год получает 17–18 млрд евро (1% ВВП) (s.

287). В странах Центральной и Восточной Европы из центра мир-системы импортируют смыслы для выстраивания собственной идентичности. При этом центр противопоставляется периферии как “нормальность” и “ненормальность”. Импорт смыслов З.Гальор определяет как самоколонизацию. В его понимании, “основополагающая черта самоколонизации — осуществление этого импорта без характерного для колониализма насилия” (s. 291).

Структурное давление центра на периферию осуществляется также в форме, которую можно назвать проектной. Т.Варчок рассказывает, как “американская святая троица” (Т.Парсонс, Р.Мертон и П.Лазарфельд) искала “научных брокеров” для своих идей по всему миру. Во Франции таковым стал Раймонд Будон, в Польше — Стефан Новак (s. 175). Распространение идей из центра подкрепляется целой структурой, в том числе и финансовой. В период “холодной войны” особую роль в этом играл Фонд Форда (s. 176). И сейчас проектный характер развития социальных наук не утратил своего значения (s. 302).

Научное знание о периферийных обществах не может создаваться исключительно в них. Здесь необходима система соотнесений. А.Коляса-Новак пишет: “Уже не коммунизм, и даже не выход из него, но только глобальная периферийность рассматривается как долговременная черта положения польского общества” (s. 163).

Выводы

Рецензируемый сборник статей польских социологов демонстрирует возможности мир-системного анализа как методологической платформы изучения структур и процессов в современном мире. Он демонстрирует “прогрессивный сдвиг проблем” (в терминологии Имре Лакатоса) [Лакатос, 2003] по широкому кругу исследуемых вопросов. Это касается как экономического, политического или духовного развития общества, так и региональной дифференциации, миграции и духовного производства. Кроме того, мир-системный подход демонстрирует способность к теоретическому синтезу с другими исследовательскими подходами. Мы могли убедиться в этом на примере теории поля П.Бурдьё.

Авторы сборника вышли за локальные пределы собственно польской проблематики. Их тексты могут стать хорошей основой для возникновения международного интеллектуального движения по переопределению понятий социологического дискурса.

Необходимость этих духовных усилий связана с тем, что, как пишет А.Новак, “проект Просвещения и модерна в значительной мере исчерпан, современная мир-система у границы развития” (s. 104). В современном мире обострились противоречия между просвещенческим универсализмом и универсализмом рыночным. Собственно, в самом просвещенческом универсализме заключена интенция доминирования Запада, расизм, этноцентризм, ориентализм (s. 98). Для нового духовного синтеза необходим принципиально новый универсализм. Без этого “борьба за национальную идентичность, не будучи объединенной с борьбой за универсальные ценности, превратится в защиту привилегированных в данной нации классов” (s. 103).

Мир-системный анализ не может быть таким универсализмом, но он способен стать методологической платформой его поиска.

Источники

Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот / Ульрих Бек / пер. с англ. Владимира Малахова // Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – Вып. 22. – С. 57–69.

Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее / Иммануил Валлерстайн // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 2. – С. 21–25.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 1 : Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Иммануил Валлерстайн / предисл. Г. М. Дерлугьяна ; пер. с англ., литер. редакц., коммент. Н. Проценко, А. Черняева. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 552 с.

Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы / Георгий Матвеевич Дерлугьян. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 386 с.

Лакатос И. Методология исследовательских программ / Лакатос И. – М. : ООО “Издательство АСТ ; ЗАО НПП “Ермак”, 2003. – 380 с.

Kula W. Kształtowanie się kapitalizmu w Polsce / Witold Kula. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe PWN, 1955. – 135 s.

Leder A. Prześlona rewolucja. Ćwiczenia z logiki historycznej / Andrzej Leder. – Warszawa : Wydawnictwo Krytyka Polityczna, 2014. – 208 s.

Malowist M. Wschód a Zachód Europy w XIII-XVI wieku: konfrontacja struktur społeczno-gospodarczych / Marian Malowist. – Wyd. 2. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe PWN 2006. – 435 s.

Naumann F. Mitteleuropa. Aus. 2 / Friedrich Naumann. – Berlin : Verlag von Georg Reimer, 1916. – 299 S. – Mode of access:

<https://archive.org/details/mitteleuropa00naumuoft/>.